

Андрейенен Станислав Вальтерович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный

экономический университет»

г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ИСТОЧНИКОВ МАССОВОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОЙ АРМИИ XIX В.

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос о важности изучения истории русской армии XIX в. на основе не только мемуаров и официальных историй, но и повседневных деловых документов. Автор делает вывод о разнообразии русской армии в первой половине XIX в., описывает особенности службы нижних чинов и офицеров армии, указывает обстоятельства, при которых они могли проявлять самостоятельную инициативу.*

***Ключевые слова:** Российская императорская армия, гвардия, солдатские дети, повседневная служба, источники.*

Российская армия играла исключительно важную роль в истории Российской империи XVIII–XIX в. Однако несмотря на то, что по данной тематике существуют многочисленные обзорные и специальные исследования, ряд вопросов до сих пор изучен крайне недостаточно. Существуют обзорные истории русской армии и отдельных родов войск, истории важнейших войн, в которых она принимала участие [некоторые примеры – 7; 9; 12; 13; 15; 19], в XIX в. большую популярность получил такой жанр как полковые истории. Эти исследования до сих пор имеют большое значение для исследователей [6, с. 48].

В то же время, с точки зрения исторической социологии русская императорская армия изучена совершенно недостаточно. Мы до сих пор слабо представляем себе социальный статус «нижних чинов» (т.е. солдат и унтер-офицеров) в российском обществе. В особенности это касается русской армии в первой половине XIX в., до Великих реформ Александра II. Мы имеем крайне скудные

сведения о том, каков был материальный статус военнослужащих, в чем состояла их повседневная деятельность, каков был реальный уровень контроля офицеров над подчиненными [16, с. 99–101].

Для исследования данной темы традиционно использовались такие материалы как мемуары, полковые истории, законодательные акты – в первую очередь Свод Военных Постановлений 1838 г. Однако такой набор источников нельзя признать достаточным.

Подавляющее большинство полковых историй написано с «позиций умолчания». Такие истории создавались, как правило, действующими офицерами, для которых многие действия командиров воинских частей или подразделений, особенности быта нижних чинов, были понятны и не требовали объяснений. Кроме того, в подавляющем большинстве мемуаров и полковых историй доминирует «офицерский взгляд» на историю воинских частей. Поэтому вопросам повседневной деятельности военнослужащих уделяется минимум внимания, а в основном описывается боевая жизнь частей, приводятся сведения об офицерах, служивших в части.

Свод Военных Постановлений, при всей своей важности, позволяет увидеть только формальную сторону жизни нижних чинов, исследовать вопрос «как солдаты должны были жить» [6, с. 49–50]. Но необходимо исследовать и неформальные практики, реальные механизмы деятельности воинских коллективов

За пределами внимания исследователей оставались источники массового происхождения, такие как приказы по воинским объединениям, соединениям и частям, документы о хозяйственной деятельности частей (отчеты, рапорты), материалы военных судов.

Между тем, исследование источников массового происхождения способно привести к важным результатам, которые невозможно достичь при исследовании традиционных при изучении данной темы источников.

Какие же перспективные темы можно изучать при помощи документации воинских частей?

В первую очередь мы можем исследовать уровень контроля за действиями солдат в армии Николая I. На основе изученных нами хозяйственных и административных документов мы можем заявить, что в ряде случаев солдаты получали достаточно значительную свободу при выполнении своих служебных обязанностей.

Тщательно налаженная система ежедневного контроля за каждым шагом солдата была возможно только при размещении войск в казармах. Поскольку в казармах в середине XIX в. были размещены в первую очередь войска гвардии, то именно там уровень контроля за нижними чинами был максимальным.

Значительная же часть армейских частей размещалась не в казармах, а в рамках так называемой постоянной повинности по домам «обывателей» т.е. мирных жителей из податных сословий [9, с. 442].

Солдаты размещались в частных домах группами до 4–5 человек. При этом даже такая небольшая воинская часть как артиллерийская батарея (около 200 человек нижних чинов) оказывалась разбросанной на больших пространствах. Весной 1845 г. штаб 15 конноартиллерийской батареи размещался в городе Старобельск. Отдельные взводы и команды батареи размещались в 8 слободах и хуторах в окрестностях Старобельска на расстоянии от 2 до 15 верст от штаба [1, Лл. 2–2об.]

Понятно, что при таких условиях на протяжении большей части года контроль командира батареи над его солдатами был ослаблен. По сути он резко возрастал только в весенние и летние месяцы, когда часть собиралась в полном составе для участия в смотрах, маневрах.

Изучение полковой документации позволяет также исследовать до некоторой степени и деятельность унтер-офицеров. Дело в том, что в отличие от офицеров, для этой категории военнослужащих гораздо хуже сохранились так называемые формулярные списки, в которых отражалась их служба.

Однако изучая деловую документацию, мы можем увидеть круг служебных занятий унтер-офицеров. В своей деятельности они также зачастую пользовались известной самостоятельностью.

В частности, грамотных унтер-офицеров назначали в качестве смотрителей полковых почт, в их задачи входил прием корреспонденции, поступавшей в полк.

Унтер-офицеры также назначались в самостоятельные командировки по доставке военного имущества, начальниками караульных команд при мостах и проч. [4, Л. 190].

Одной из самых длительных по срокам было так называемая командировка за ремонт. Термином «ремонт» в российской армии XIX в. обозначали покупку новых строевых и подъемных лошадей для воинских частей. Вплоть до 1844 г. все части русской регулярной кавалерии и артиллерии самостоятельно занимались покупкой для себя лошадей (с 1844 г. лошадей для гвардии покупала специальная «Комиссия по ремонту кавалерии Гвардейского корпуса») [11, с. 124].

С этой целью ежегодно все кавалерийские полки и артиллерийские бригады отправляли офицера-ремонтёра в сопровождении команды из 15–20 нижних чинов. Ради того, чтобы купить нужное число лошадей офицеры-ремонтёры, как правило, ехали на конные заводы на территории современной Украины и черноморской полосы России. Таким образом на протяжении многих месяцев, с марта по сентябрь, сотни нижних чинов оказывались в самостоятельной командировке, которая существенно расширяла их кругозор.

Сохранившаяся деловая документация позволяет прояснить и семейный статус военнослужащих императорской армии. Известно, что вплоть до 1866 г. солдаты русской армии могли в период нахождения на службе жить вместе со своими семьями. На такой шаг решались далеко не многие солдаты, поскольку условия проживания как правило было весьма тяжелыми, будущее солдата было неопределенным, в любой момент его могли отправить служить за тысячи километров. Кроме того, всех женатых солдат пугала перспектива отдавать своих сыновей в обязательном порядке на армейскую службу кантонистами [18, с. 52].

Наши исследования показывают, что женатые солдаты, особенно в гвардии, прикладывали значительные усилия для того, чтобы улучшить судьбу своих детей. При этом они использовали некоторые патриархальные традиции, сохранившиеся в Российской империи. В делах штаба Отдельного Гвардейского корпуса

сохранилось немало прошений, в которых нижние чины гвардейских частей просили, чтобы крестным отцом их новорожденного ребенка стал правящий император. К примеру, в августе 1819 г. с таким прошением обратился унтер-офицер лейб-гвардии Кавалергардского полка А.С. Загряцкий [3, Л. 159].

Если такое прошение удовлетворялось властями, то крестник получал денежный подарок от императора. Не менее важной была возможность впоследствии обращаться к крестному отцу с ходатайствами об улучшении участи ребенка, в частности обучении его за казенный счет.

Подача просьбы была не просто формальностью, а предприятием, имевшем шансы на успех. Право на такую милость получали только заслуженные ветераны. Для того, чтобы подтвердить их статус полковая канцелярия отправляла в штаб корпуса копию формулярного списка солдата. Как известно, все правящие императоры вплоть до Николая Второго тратили деньги на подарки своим слугам и крестникам [10].

Также мы можем исследовать материальный статус нижних чинов. Жалованье, которое получали нижние чины, было по размерам совершенно ничтожным. К 1801 г. жалованье рядового армейской пехоты составляло 9 р. 90 коп. ассигнациями в год [17, с. 94] Однако на практике нижние чины к моменту своей отставки зачастую копили достаточно значительные суммы денег.

Это связано с тем, что в условиях военного хозяйства XIX в. все воинские части и отдельные солдаты в Российской империи должны были зарабатывать дополнительные деньги. Выделяемых государством средств не хватало для полноценного питания солдат, регулярной починки обмундирования и т. д.

Напомню, что вплоть до 1815 г. в мирное время «мясные порции» полагались только войскам, квартировавшим в Крыму и на Тамани, поскольку тамошние условия считались особенно вредными для русских солдат (в силу жаркого климата, распространенных в этих регионах лихорадок). К 1821 г. «мясные и винные порции» стали получать также войска Гвардейского корпуса, расквартированные в Бессарабии, Грузии и Царстве Польском и некоторых крупных городах. Все остальные войска в мирное время вместо мяса получали небольшую

прибавку в солдатское жалованье – «мясные деньги». Поэтому если командиры этих частей хотели, чтобы их солдаты иногда ели мясо, им было необходимо зарабатывать дополнительные деньги в так называемую «экономическую сумму» или «артельную сумму». Также деньги требовались на изготовление новых мундиров для смотра и другие потребности (по существовавшей в русской армии системе шинели и мундиры должны были прослужить установленный срок. К примеру, шинель в армии должна была прослужить 3 года. Если она приходили в негодность до срока, то ее должен был чинить сам полк за свой счет) [5, с. 163].

Деньги из артельной суммы выдавались также на руки тем солдатам, которые выходили в отставку и должны были, по возможности обеспечить солдата, хотя бы на первое время» [5, с. 416].

В связи с этим становится понятным, почему каждый год солдаты русской армии отправлялись на так называемые «вольные работы».

Даже беглое исследование полковых хозяйственных документов показывает, что в ряде случаев средства солдат могли составлять значительные суммы. Так в Сибирском уланском полку в 1819 г. сумма артельных денег достигала 40 тыс. руб. асс., а в Оренбургском уланском полку даже 45 тыс. руб. асс. 2, [Лл.76–90].

По штатам от 27 декабря 1812 г. в каждом кавалерийском полку должно было насчитываться 1496 нижних чинов (с учетом 7 резервного эскадрона и нестроевых, мастеровых, но без учета денщиков) [12, с. 189]. Учитывая, что реальное («на лицо») количество нижних чинов как правило было меньше штатного, то на каждого из них приходилось свыше 30 рублей ассигнациями. При такой системе некоторые солдаты могли к отставке накопить сумму в несколько сотен рублей, которые они тратили на заведение своего дела – покупку лавки, постоянного двора [Один из известных нам примеров – 8, с. 307–342].

Таким образом, изучение социального статуса российских военнослужащих на основе деловой документации воинских частей является весьма перспективным направлением исследований. Анализируя такие документы как рапорты командиров частей и подразделений, приказы по воинским частям и соединениям,

финансовую документацию мы можем существенно расширить свои представления о реальной повседневной деятельности солдат, их материальном статусе и семейных отношениях.

При этом традиционные представления о том, что военнослужащие русской армии в первой половине XIX в. находились под круглосуточным контролем и должны были исполнять мелочные инструкции существенно корректируется.

Принятые сокращения:

АМАИВ и ВС – Архив музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Список литературы

1. АМАИВ и ВС – Архив музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 5 Оп. 3 Д. 20 О летних занятиях войск в 1846 г.
2. РГВИА Ф. 14664 Оп. 1 Д. 736 Переписка с инспекторским департаментом и командирами гвардейских частей и подразделений.
3. РГВИА Ф.14664 Оп. 1 Д. 738 Рапорты командиров частей в штаб Гвардейского корпуса.
4. РГВИА Ф. 14014 Оп. 3 Д. 252 Приказы по действующей армии.
5. Аничков В.М. Военное хозяйство: сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии / В.М. Аничков. – СПб., 1860. – 613 с.
6. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России / Л.Г. Бескровный – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 453 с.
7. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. / Л.Г. Бескровный. – М.: Воениздат, 1973. – 616 с.
8. Воспоминания лавочника // Российский архив. – 2007. – Вып. XV. – С. 307–342.
9. Зайончковский А.М. Восточная Война 1853–1856. В 2-х т.: Т. 1. / А.М. Зайончковский. – СПб.: Полигон, 2002. – 928 с.
10. Зимин И. Царские деньги Доходы и расходы Романовых / И. Зимин. – М.: Центрполиграф. – 688 с.

11. Золотарев М. О снабжении войск лошадьми // ВС. – 1859. – №5. – С. 105–136.
12. Иванов П.А. Обзорение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого до наших дней. / П.А. Иванов. – СПб., 1864. – С. 189.
13. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. / В.В. Лапин. – СПб.: Европейский дом, 2008. – 396 с.
14. Лапин В.В. Семеновская история / В. Лапин. – Л.: Лениздат, 1991. – 51 с.
15. На пути к регулярной армии России: армия и флот в первой трети XIX в. / Ю.А. Алексеев [и др.] – М.: Сашко, 2006. – 367 с.
16. Рогулин Н.Г. Вопросы повседневной жизни нижних чинов русской армии в новейших отечественных исследованиях / Н.Г. Рогулин // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. ст. – СПб., 2005. – Вып. 4. – С. 99–106.
17. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное Интендантское управление: Исторический очерк. – СПб., 1903. – 542 с.
18. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. / П.П. Щербинин. – Тамбов: Юлис, 2004. – 509 с.
19. Kagan F. The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of the Modern Russian Army / F.Kagan – New York: St Martins, 1999. – 337 p.